

Рудольф Штайнер
Карма Антропософского общества и содержание
Антропософского движения
Из GA 310

Лекция в Арнхейме 18 июля 1924 года.

Вчера я не мог за поздним временем высказать те слова, которые мне хотелось бы сказать и которые отвечали бы тем изменениям, что произошли в Антропософском Обществе со времени Рождественской конференции в Гетеануме. И поскольку из сообщений, опубликованных в бюллетене, нашим друзьям уже в основном известно, какое значение имеет это Рождественское собрание, хотелось бы лишь кратко сказать о самом существенном, а затем продолжить те рассуждения, которые более внутренне связаны с тем, что означает это Рождественское собрание для Антропософского Общества.

Это Рождественское собрание должно стать обновлением, можно даже сказать, основанием Антропософского Общества. До Рождественского собрания я мог всегда проводить различие между антропософским движением и Антропософским Обществом. Последнее должно было представлять собой как бы некую земную проекцию чего-то, что существовало в духовном мире как некое духовное течение. То учение, которое давалось здесь, на земле, то, что сообщалось здесь как антропософская мудрость, — это должно было быть неким отблеском того, что изливалось в духовных мирах в соответствии с уровнем развития человечества в настоящее время. Тогда Антропософское Общество было как бы управителем того, что притекало через антропософское движение как сокровище антропософской мудрости.

С течением времени такое положение оказалось несовместимым с подлинной, истинной заботой о развитии всего антропософского. Поэтому возникла необходимость того, чтобы я сам (а до этого я не состоял ни в какой официальной связи с Антропософским Обществом, а был только учителем всего антропософского), чтобы я сам, совместно с Дорнахским президиумом, взял бы руководство Антропософским Обществом как таковым. Вследствие этого антропософское движение и Антропософское Общество образовали нечто единое. После того Дорнахского Рождественского собрания не должно более проводиться различие между антропософским движением и Антропософским Обществом, но оба они теперь должны быть чем-то единым. И те, кто наряду со мной составляют президиум Гетеанума, должны теперь рассматриваться как некий эзотерический Президиум. Так что те мероприятия, которые проводятся этим президиумом, могут быть охарактеризованы следующими словами: осуществление антропософии, тогда как прежде дело сводилось только к внешнему управлению тем, что давалось, проистекая из антропософского учения.

Но это означает в то же время, что все Антропософское Общество должно быть постепенно поставлено на совершенно иную основу — основу, которая делает возможным то, что эзотерическое будет изливаться непосредственно через Антропософское Общество; и в том, чтобы навстречу этому эзотерическому нести надлежащий строй души со стороны тех, кто хочет быть антропософами, и должно быть то, что в будущем составит, собственно, сущность Антропософского Общества. Поэтому будет проводиться различие между Всеобщим Антропософским Обществом, которое в дальнейшем станет вполне открытым обществом, так что и циклы лекций, как это было объявлено во время Рождественского собрания, станут доступными всем (с теми надлежащими ограничительными условиями, которые являются вытекающими из своего рода идейно-спиритуального размежевания), и основанной с того времени внутри Всеобщего Антропософского Общества Школы, которая постепенно станет состоящей из трех классов. Пока же мог быть основан лишь первый класс. Тот, кто хочет стать членом этой Школы, должен взять на себя еще другие обязательства, кроме тех, что у членов Всеобщего Антропософского Общества. Членом Антропософского Общества может стать тот, кто интересуется антропософией и принимает ее учение; при этом он не берет на себя никаких обязательств сверх тех, которым следует сам по себе каждый честный человек, исходя из моральных оснований. Тогда как от тех людей, которые хотят стать членами этой Школы, будет требоваться, чтобы они в жизни являлись истинными представителями антропософского движения и чтобы их поступки, их деяния находились в гармонии с эзотерическим президиумом Гетеанума в Дорнахе. Этим сказано, значит,

что тот, кто хочет быть членом Школы, должен стараться представлять антропософию в мире и своей собственной жизнью. Этим обуславливается то, что Руководство Школы, если оно придет к выводу, что кто-либо не являет собой представителя антропософского движения, имеет право заявить, что данный человек не может более оставаться членом Школы. Не говорите, что это является ограничением свободы человека. Это, так сказать, свободный договор между членами Школы и Руководства Школы, ибо ведь и Руководство Школы должно быть свободно — должно иметь свободу сказать то, что оно считает нужным, тому, кому это следует. Поэтому оно должно иметь возможность указать тому, о ком оно думает, что не может больше принимать его, и зафиксировать это.

В том понимании эзотерического учения, которое отныне будет проходить через все антропософское движение, будет заложена забота о плодотворном развитии и процветании антропософского дела. Будут следить за тем, чтобы избежать всего бюрократического, стараться, чтобы ничто внешне-чиновничье не коснулось бы Антропософского Общества, но чтобы все основывалось исключительно на культивируемой внутри общества человечности. Конечно, президиуму при Гетеануме придется заниматься всевозможными делами управления, но это не главное. Существенным будет то, что президиум при Гетеануме будет осуществляться, исходя из своей инициативы. И то, что он сделает, то, что он уже начал делать, — это и будет содержанием Антропософского Общества.

Этим будет основательно устранено многое из того пагубного, что появилось как раз в последние годы внутри Антропософского Общества и что причинило многим членам тяжелые переживания, ибо возникли всевозможные необоснованные начинания, исходившие из так называемых добрых побуждений, но которые не смогли стать тем, о чем возвещалось, когда говорилось о них, и которые, собственно, отводили антропософское движение в боковые русла. В будущем антропософское движение будет тем, что исходит из Антропософского Общества.

Чем более это будет понято, тем благоприятнее это будет для развития антропософского движения. И я имею сказать: благодаря тому, что тогда, на Рождество, среди присутствующих на собрании в Гетеануме господствовал сей импульс, стало возможным внести в антропософское движение совершенно другой тон. И к моему глубокому удовлетворению я смею сказать, что в различных местах, где я до сих пор побывал, этот тон был воспринят с сердечной готовностью. И можно уже сказать: решение, принятое на Рождество, было в известном смысле связано с риском. Ибо не исключалась возможность, что, вследствие того, что руководство делами Антропософского Общества объединялось непосредственно с представительством спиритуальных сокровищ мудрости, те Духовные Власти, которые руководят в духовном мире антропософским движением, отошли бы от него. Теперь может быть сказано, что этого не произошло, а произошло как раз обратное: с еще большим благоволением, с еще большей милостью идут эти Духовные Власти навстречу тому, что струится через антропософское движение. И, в известном смысле, взят некий обет перед духовным миром. И этот обет будет выполнен непременно; и увидят, что в будущем совершатся те деяния, которые были обещаны духовному миру. Так что на президиум возложена ответственность не только за антропософское движение, но и за Антропософское Общество.

Только эти несколько слов хотел я сказать предварительно с тем, чтобы сразу же перейти к тому, что может теперь быть сказано и что является таким, что оно может быть содержанием антропософского движения. Мне хотелось бы сказать кое-что о том, что связано с Кармой самого Антропософского Общества.

Если мы сегодня посмотрим на Антропософское Общество как на воплощение антропософского движения и на занимаемое им в мире положение, то увидим, что внутри Антропософского Общества собралось вместе некоторое количество людей. Но обладающий способностью видеть заметит, что на свете есть еще и другие люди, — везде можно найти таких людей, — которые по своей карме имеют достаточные основания для того, чтобы вступить в Антропософское Общество. Но они наталкиваются на препятствия, не сразу находят пути к нему; но они все же найдут его, если не в этом воплощении, то в следующем. Но вот что мы должны отметить: те люди, которые вступают благодаря своей карме в антропософское движение, — эти люди предопределены для этого движения.

Все, что происходит здесь, в физически-чувственном мире, имеет свое предсуществование в духовных мирах. Ничего не происходит здесь, в физическом мире, что не было бы предварительно подготовлено духовным образом в духовном мире. И вот что имеет большое значение: то, что происходит здесь, в XX столетии, как слияние путей большого числа лиц в Антропософском Обществе, — было подготовлено в первой половине

XIX столетия тем, что души этих ныне воплощенных людей, стремящихся объединиться, были уже объединены в духовном мире в то время, когда они еще не спустились в физически-чувственный мир. В то время целым рядом душ в духовных мирах совместно совершался некий вид культа, послужившего подготовлением к возникновению того устремления, что выступает в душах людей, которые теперь, воплотившись, стремятся к объединению в Антропософском Обществе. И тот, кто имеет дар узнавания душ в их новых телах, тот узнает их — как они в первой половине девятнадцатого столетия действовали совместно с ним, когда в сверхчувственном мире были явлены могучие космические имажинации, представлявшие то, что я мог бы назвать: *новое христианство*. Там были тогда объединены эти души (подобно тому, как здесь они теперь объединены телесно), чтобы из того, что я назвал бы космической субстанциональностью и космическими силами, реально скомпоновать в могучих образах то, что имело космическое значение и что было неким прологом того, что должно осуществиться здесь, на Земле, как учение, как дело антропософии. Можно было бы сказать: почти все антропософы, сидящие здесь вместе, могли бы, если бы смогли прозреть действительное положение вещей, сказать друг другу: “Да, мы узнаем друг друга; мы были совместно в духовных мирах и совместно восприняли в некоем сверхчувственном культе могучие космические имажинации”.

Но все, что слилось так в едином потоке в первой половине XIX столетия для того, чтобы подготовить то, что должно было стать на Земле антропософским движением, — все это в основном подготовляло то, что я всегда называл *течением Михаэля*, которое выступило в последней трети XIX столетия и представляет собой наиболее значительный духовный вклад в новое направление развития человечества. *Течение Михаэля!* Подготовить Михаэлю пути для его небесно-земных деяний — это было задачей тех душ, которые тогда были там вместе.

Но эти души были побуждаемы опять встретиться вместе, побуждаемы тем, что происходило с ними ранее в течение долгого, долгого времени, в течении столетий, а у многих из них — в течение тысячелетий. Среди этих душ находятся по преимуществу две группы. Одна группа — это те, которые в первые века христианства переживали то христианство, которое было распространено в то время в Южной и отчасти Средней Европе. Это христианство давало верующим такой взгляд на Христа, согласно которому Христос являлся неким великим Божественным Посланцем, спустившимся с Солнца на Землю для того, чтобы действовать тут среди людей. Христос рассматривался первыми христианами первых веков — с большим или меньшим пониманием — как “*Великий Солнечный Бог*”.

Но в эти первые века христианства уже не существовало того инстинктивного ясновидения, что было у людей некогда. В Солнце уже более не лицезрели великого духовного Царства, в средоточии которого жил некогда Христос. И как раз в первые века христианства место старых инстинктивно-ясновидческих прозрений о сошествии Христа на Землю заняло предание — лишь предание или традиция о том, что Христос сошел с Солнца на Землю и соединился с Иисусом из Назарета и его физическим телом. Вся масса этих христиан не имела ничего более, кроме такого представления о том, что в Палестине некогда жило некое Существо, Христос Иисус, о природе Которого, — о том, был ли он Бог, или Бог и человек одновременно, или еще нечто подобное, начали спорить на соборах. Эта масса людей все более и более усваивала то, что диктовалось из Рима.

Но тогда среди этой массы христиан жили отдельные люди, которые все более и более рассматривались как еретики. Они еще имели как живое предание воспоминание о том, что Христос был Солнечным Существом, и что однажды на Землю снизошло совершенно чуждое Земле Существо, а именно Солнечное Существо низошло в этот физически-чувственный мир. Эти души в течение последующих христианских столетий, вплоть до 7–8-го столетия, все более и более приходили к тому, что говорили себе: то, каким теперь становится христианство, — оно, собственно, уже более не принимает Христа! — Эти еретические души становятся, можно сказать, уставшими от христианства. Такие души имелись в первые века христианства — вплоть до 7–8-го веков — как проходившие через врата смерти уставшими от христианства. Решающей инкарнацией для этих душ (независимо от того, имели ли они промежуточные инкарнации или нет) была как раз эта инкарнация в первые века христианства. Эти души, начиная с 8–9-го столетия, стали подготовляться в духовном мире к тому великому, могучему действию, на которое я только что указал, сказав, что в первой половине девятнадцатого столетия в сверхчувственном мире свершился род некоего культа. В этом культе принимали участие эти люди. Они образовали одну из групп тех душ, которые вступили в Антропософское Общество.

А другие души — это те, которые имели свою решающую инкарнацию в последние дохристианские столетия, — не в первые послехристианские, а в последние дохристианские; те души, которые могли еще в мистериях древнего дохристианского язычества иметь ясновидческие прозрения в духовный мир. Это были те души, которые получили в древних мистериях знания о том, что Христос снизойдет некогда на Землю. Эти души не проходили в первые века христианства своего развития на Земле, они находились в это время в сверхчувственном мире; а к земной инкарнации они пришли только позднее: после 7-го столетия христианской эры. Это — такие души, которые видели вступление Христа в земную культуру со сверхчувственной точки зрения. Они испытывали сильное стремление к христианству; они были “стремящимися к христианству”. В то же время они были теми, кто хотели с большой активностью развивать деятельность для того, чтобы внести в мир истинное космическое, спиритуальное христианство.

И эта вторая группа объединилась с другими душами для переживания того сверхчувственного культа, который имел место в первой половине XIX столетия. Тогда имело место великое космически-спиритуальное празднество, продолжавшееся в течение ряда десятилетий и образовавшее некое духовно-спиритуальное свершение в мире, непосредственно граничащем с физическим. Там участвовали как те души, которых мы называли “усталыми от христианства”, так и те, которых мы называли “стремящимися к христианству”; они совместно готовились тогда в сверхчувственном мире к ближайшему земному воплощению. И вот в конце XIX столетия они пришли к воплощению и, спустившись на Землю, они были уже подготовлены к тому, чтобы вступить в Антропософское Общество. Но все это готовилось в течение столетий.

Здесь же, на Земле, постепенно образовывалось такое христианство, которое воспринимало Евангелия так, как если бы они говорили только о каком-то таком существе — Иисусе из Назарета, который должен был явить Христа с каких-то абстрактных высей. Не имели больше никакого предощущения того, что мир небесных светил как выражение духовного связан с духовным (сверхчувственным) миром; поэтому не могли такие понимать, что это означает, — что Христос как Божественный Солнечный Герой нисшел в Иисуса, чтобы разделить судьбу людей. От тех, кто ныне взирает на историю с обычной, общепринятой точки зрения, ускользают как раз самые важные факты. Прежде всего нет у них понимания этих “еретических” душ. Эти еретические души из или “уоставших от христианства” или “стремящихся к христианству” спустились ко времени XX столетия на Землю. Со времени же 7-8-го столетия постепенно исчезали те предания о Христе, которые жили среди становящихся “уоставшими от христианства” еретиков. Эти предания сохранились в небольших кружках, где они почитались и развивались вплоть до середины Средних веков, вплоть до XII столетия. Тогда существовали небольшие кружки, происходившие от, я бы сказал, осененных Божьей благодатью учителей, которые еще сохранили кое-что из древних сведений о спиритуальном христианстве, о космологическом христианстве. Среди них были и такие, которые воспринимали эти сообщения, восходившие к старым временам, и у которых при этом возникало нечто вроде инспирации; так что они могли пережить в себе самих некий, более или менее сильный, отблеск того, что в первые века христианства можно было узреть в величественной инспирации как нисхождение Солнечного Божества в Мистерию на Голгофе.

Так что существовали именно два течения. Во-первых, течение, истекающее прямо из еретических движений первых веков христианства. Эти души были побуждены еще тем, что жило в древнем греческом *платонизме*. Это настолько побуждало их, что когда под влиянием сообщений из древних времен наступил внутренний душевный прорыв, они могли посредством хотя и слабой, но все же инспирации иметь прозрение о нисхождении Христа на Землю и Его деянии на Земле. *Это было платоническим течением.*

Другое течение было избрано для несколько иного. К нему принадлежали души, пережившие свою определяющую инкарнацию в дохристианское время и взиравшие тогда на христианство, как на нечто грядущее. Это было течение, готовившее развитие интеллекта для той эпохи, о которой я всегда говорил как о начинающейся в первую половину 15-го столетия. Тогда должна была возобладать эпоха души сознательной — эпоха, когда должен был быть выработан человеческий интеллект. Это было в противовес платоникам, но, как гармонический противовес по отношению к ним, подготовлено *аристотеликами*. И те, кто продолжал развивать учение Аристотеля вплоть до 12-го века, — это были те, кто прожил свою определяющую инкарнацию в древнем язычестве, а именно, в Греции. А затем в середине Средних веков — в 12-13-м столетиях — произошла великая, можно сказать, чудесная встреча между платониками и

аристотеликами. И среди этих платоников и аристотеликов находились также и руководители этих двух групп душ, которых я обозначил как вызвавших к жизни антропософское движение.

Ко времени 12-го столетия образовалась вызванная внутренней необходимостью некоторая школа, в которой ожили отзвуки старого платонова видения. Это была великая прославленная *школа Шартра*. Она имела великих представителей, обладавших еще сведениями о тайнах первохристианства; она имела таких представителей, в сердцах и душах которых от этих сведений воссияло то, что давало им возможность прозревать те духовные закономерности, в которые было включено христианство. В Шартрской школе во Франции, там, где находится прекрасный Шартрский собор с его многочисленными, великолепно выполненными деталями, объединилось, сконцентрировалось то, что незадолго до этого было широко разбросано по различным кружкам. Если мы хотим назвать одного из первых зачинателей Шартрской школы, которая достигла расцвета в конце 11-го, в 12-м веках, то нам надо назвать имя *Петра Компостеллы*, который в собственной своей душе, в своем сердце возобновил в инспирированном прозрении древнее спиритуальное христианство. И рядом с ним мы можем пережить целый ряд удивительных фигур, учивших в Шартре. В этом 12-м столетии в Шартрской школе звучали совсем своеобразные тона в отношении христианства. Мы имеем там, например, *Бернара Шартрского*, *Бернара Сильвестра*, *Иоанна Сольсберийского*; там был и великий *Алан Островитянин*. Все это — могучие учителя! Они учили в Шартрской школе так, точно сам Платон лично действовал среди них, изъясняя христианство. Они учили спиритуальному содержанию христианства. Сочинения, составленные ими, кажутся современным людям, когда они их читают, может быть, абстрактными, но это зависит лишь от абстрактности самих душ современных людей. Духовный мир изображается в писаниях этих великих людей полностью проникнутым импульсом Христа. И я бы хотел теперь показать вам, мои дорогие друзья, то, какие учения давались, например, Бернаром Сильвестром или Аланом Островитянином своим посвященным ученикам. Каким бы парадоксальным это ни представлялось современным людям, но вот что давалось тогда ученикам Шартра.

Там учили, что христианство будет обновлено. Оно будет опять понято в своем духовном содержании после того, как окончится период мрака, Кали-Юга и наступит новая эра. Этот темный период мрака для нас теперь уже окончился к 1899-му году. Отсюда и тот переворот, наступивший теперь, который и должен был совершиться в человечестве с окончанием Кали-Юги, тот необычайно могучий импульс, который вступил благодаря вмешательству Михаэля еще за два десятилетия до этого. Оно было пророчески предсказано уже в 12-м столетии Шартрской школой, в особенности Бернаром Сильвестром и Аланом Островитянином. Но эти люди учили не по аристотелевскому методу, они учили, не прибегая к интеллекту. Они давали свои учения совсем и полностью в могущественных образах, которые они разворачивали перед своими слушателями, — в таких образах, в которых наглядно было представлено то, что есть спиритуальное содержание христианства. И давались некоторые пророческие учения. Кое-что в извлечении из одного из них я хотел бы провести перед вашими душами.

Вот что говорил Алан Островитянин узкому кругу своих посвященных учеников: ныне мы рассматриваем мир так, что еще признаем центральное положение Земли; мы судим обо всем, исходя из этого ее центрального положения. Если мы будем и впредь готовить духовную почву для будущих столетий, исходя лишь из этого геоцентрического воззрения, дающего нам возможность достижения наших имажинации, наших образов, то тогда человечество не сможет идти дальше по пути своего поступательного развития. Мы должны заключить союз с последователями Аристотеля, вносящими в человечество интеллект, который в дальнейшем должен быть спиритуализован и в XX столетии должен воссиять новым спиритуальным светом среди человечества. Если мы теперь рассматриваем Землю как центр всего Космоса, а все планеты как вращающиеся вокруг Земли, и если мы описываем все звездное небо так, как оно представляется непосредственно земным глазам, — как обращающееся вокруг Земли, — то ведь придет некто и скажет: “Давайте поставим Солнце в центр мирового пространства Вселенной!” Но тогда, когда придет тот, кто поставит Солнце в центре пространства Вселенной, — тогда все мировоззрение сделается опустошенным. Люди тогда будут лишь вычислять орбиты планет, будут только фиксировать местоположение небесных светил. Люди будут говорить о небесных телах как о физических телах или газах, которые где-то там горят и при горении светятся; они будут знать о небесных светилах лишь нечто математически-механическое.

Но то, что будет распространяться как такое опустошенное мировоззрение, оно все-таки имеет в себе нечто, хотя пока и очень скудное, но все же оно имеет нечто. Мы взираем на мир с Земли; а тот, кто придет, будет рассматривать его с Солнца. Он будет тем, кто показывает только “направление”, — направление, ориентирующее на величественно значительный путь, преисполненный чудеснейшими свершениями и чудеснейшими существами. Но он дает только абстрактное направление. Этим указывалось на Коперниканское мировоззрение в его абстрактности, в его опустошенности, но и в его направленности. Ибо оно сперва должно устранить все то, что мы даем сейчас в наших имагинациях, — так говорил Алан Островитянин.

Все это должно быть пока устранено, и картина Вселенной должна стать совсем абстрактной, почти как верстовой столб на дороге с чудесными памятниками. Ибо в духовном мире будет некто, кто примет эти верстовые столбы; для обновления Вселенной он не будет иметь ничего, кроме “направления”, отмеченного ими, — он примет их вместе с интеллектуализмом, чтобы затем основать новую спиритуальность: он не сможет воспользоваться ничем, кроме этих верстовых столбов пути. И это будет, как говорил Алан Островитянин, *Святой Михаэль*. Для него должно быть расчищено поле. Он должен засеять его новыми семенами. И для этого не нужно ничего другого, кроме линии, математической линии.

Это было подобно веянию некоего волшебства над школой Шартра, когда Алан Островитянин говорил такие слова своим ближайшим ученикам. И словно окружающий эфирный мир затрагивался ударами волн этого могущественного Михаэлева учения.

Так распространялось по западу Европы вплоть до юга Италии то, что создавало духовную атмосферу этих стран. И было сколько-то людей, которые могли воспринять это; в душах их возникало нечто, подобное могучей инспирации, и они тогда могли взирать в духовный мир.

Но в мировом развитии дело обстоит так, что те, кто посвящены в великие тайны бытия, какими были, до известной степени, Алан Островитянин и Бернар Сильвестр, что такие люди знают: всегда лишь в ограниченной мере бывает можно осуществить то или иное. Такой человек, как Алан Островитянин, говорил себе: мы, платоники, должны теперь пройти через врата смерти, а затем сможем жить покамест только в духовном мире. Мы должны будем взирать вниз из духовного мира, а физический предоставить другим — тем, кто вырабатывает интеллект аристотелевским способом. Интеллект отныне подлежит дальнейшему развитию. И Алан Островитянин, будучи в преклонном возрасте, возложил на себя одеяния Цистерцианского ордена; он стал цистерцианцем. А в цистерцианском ордене было много от такого рода учений. Но как раз цистерцианцы, имевшие более глубокие прозрения, говорили себе: мы можем теперь действовать только из духовного мира; мы должны предоставить поле деятельности аристотеликам.

А аристотелики стали преимущественно доминиканцами. И вот в 13-м столетии к ним перешло водительство в духовном мире Европы. Но все же оставалось нечто, что в значительной мере еще вмещивалось в духовную жизнь Европы; это то, что оставалось как раз от таких могучих духов, как Петр Компостелла, Алан Островитянин, Бернар Шартрский, Иоанн Сольсберийский и тот поэт Шартрской школы, который написал столь значительное стихотворение о семи свободных искусствах. То, что происходило в Шартре, было настолько могущественно, что его воздействия достигали, например, до Орлеанского университета, куда во второй половине 12-го столетия проникло и вступило в ученое изложение многое из учений, дававшихся в великих могучих образах ученикам Шартра Бернаром Сильвестром и Аланом Островитянином, — дававшихся в словах, словно сияющих и звучащих серебром. Я хотел бы сказать, что духовная атмосфера была настолько пронизана всем этим, что однажды некий человек, некий итальянец, возвращаясь из посольства в Испании, торопясь к себе на родину и узнав по дороге вблизи Флоренции об изгнании оттуда гвельфов (к чему присоединился еще легкий солнечный удар), пришел в такое состояние, что выделилось его эфирное тело и восприняло то, что как бы эфирно повеяло из Шартрской школы, — то, что там еще оставалось. И он получил через то, что эфирно повеяло на него, нечто вроде интуиции, такой интуиции, какая бывала у многих в первые века христианства. Он узнал сперва простирающийся перед ним земной мир, какой окружает человека, управляемый не законами природы (как это впоследствии говорилось), а великой помощницей Демиурга, богиней Натурой, сменившей в первые века христианства Прозерпину. Тогда еще не было абстрактных законов природы; тогда Посвященные лицезрели в том, что сущностно демонстрировало в природе, всеобъемлющее, божественное, преисполненное силы существо. В греческих Мистериях эта сила, правящая в мире природы, изображалась в виде Прозерпины,

делящей свое время между внешним миром и нижним подземным миром. В первые века христианской эры ее преемницей стала богиня “Натура” — “Природа”.

Вследствие солнечного удара и того, что повеяло на него как достояние духовной жизни Шартрской школы, этот итальянец обрел возможность прозрения в жизнь и творческое созидание богини Натуры, а потом, отдавшись дальнейшему воздействию на себя этой интуиции, он узрел деятельность четырех элементов — земной тверди, воды, воздуха и огня — так, как это видели в древних мистериях: могучее создающее действие элементов. Затем он узрел тайны человеческой души, увидел семь могучих существ, о которых знали как о великих небесных наставниках рода человеческого. Это знали в первые века христиане. Тогда не говорили о таких абстрактных науках, как это делают сегодня, когда чему-то учат лишь с помощью понятий и идей. В первые века христианства говорилось о том, что люди поучаются из духовного мира богинями *Диалектики*, *Риторики*, *Грамматики*, *Арифметики*, *Геометрии*, *Астрологии* (или *Астрономии*) и *Музыки*. Эту семерку представляли себе не абстрактно, как впоследствии, но их лицезрели, нельзя сказать, чтобы в телесных образах, но в душевных. И научались многому от этих небесных образов. Позднее они больше не являлись людям, как эти живые богини — Диалектика, Риторика и т.д., не являлись в некоем исключительном видении, но они стали восприниматься в абстрактных формах, в абстрактно-теоретических учениях.

Эта личность, о которой я сейчас говорю, дала воздействовать всему этому на себя. И она была тогда введена в мир планет, который раскрывает в то же время и тайны человеческой души. И в мире небесных светил, после того, как она прошла через великий Космический Океан, она была ведома Овидием, который пройдя через врата смерти, стал водителем душ в духовном мире. И эта личность — *Брунетто Латини* — стала учителем *Данте*. И то, что Данте почерпнул, как учение, от Брунетто Латини, он изложил в поэтической форме в своей “Божественной Комедии”. Так что эта великая поэма “Божественная Комедия” есть последний отблеск того, что еще продолжало жить на Платонов лад в отдельных людях, и что в двенадцатом столетии еще звучало из уст Бернара Сильвестра в школе Шартра, и чему учили те, кто еще находился под воздействием древних преданий, так что им словно в особенных инспирациях открывались тайны христианства, которые они затем и могли сообщать в словах своим ученикам.

А то, что Алан Островитянин внес в орден цистерцианцев, — это перешло в дальнейшем к доминиканцам, которые, примыкая к Аристотелю, прилагали особые заботы о развитии интеллекта. Но здесь наступило некоторое промежуточное время: Шартрская школа находилась в своем расцвете в 12-м веке, а деятельность ордена доминиканцев по разработке схоластики в духе аристотелизма началась в 13-ом столетии. И те, кто были великими учителями Шартрской школы, пройдя сквозь врата смерти и вступив в духовный мир, находились там некоторое время совместно с готовившимися спуститься на Землю будущими доминиканцами, которые затем, после своего воплощения укоренили здесь аристотелизм. Поэтому нам надо рассмотреть этот промежуток времени, когда последние великие учителя Шартра, пройдя врата смерти, участвовали как бы в великом небесном Соборе совместно с теми, кто должен был в дальнейшем, спустившись на Землю и став доминиканцами, заняться разработкой аристотелизма. Тогда в духовном мире был заключен великий “небесный договор”. Те, кто поднялись тогда под водительством Алана Островитянина в духовный мир, сказали там готовящимся спуститься аристотеликам: “Наше время действовать на Земле еще не настало; мы должны пока воздействовать отсюда — из духовного мира. Мы не можем в ближайшее время спуститься для инкарнации на Землю. Теперь ваша задача — заботиться об интеллекте и культивировать его в восходящую эпоху души сознательной”.

И вот великие схоластики спустились на Землю и выполнили то, о чем они договорились с последними великими платониками из Шартрской школы. Тогда произошло много значительного. Так, например, один из спустившихся ранее остальных получает некий наказ от другого, оставшегося еще в духовном мире вместе с Аланом Островитянином, т.е. с той духовной индивидуальностью, которая была прежде Аланом Островитянином. Этот же наказ приносит с собой спустившийся позднее, действуя таким образом совместно со своим предшественником; и таким образом на Земле началось последовательное подготовление эпохи интеллектуализма, начало которой и было заложено в ордене доминиканцев. Как раз тот, который оставался дольше в духовном мире при Алане Островитянине, облачился на Земле вначале в одеяние ордена цистерцианцев и лишь позднее заменил его на одеяние доминиканцев. Таким образом, с того времени на Земле действовали те, кто некогда находились под влиянием того, что было достигнуто

Аристотелем; а в высшем мире “несли вахту” платоники из школы Шартра, поддерживая связь с действующими на Земле аристотеликами. Духовный мир шел рука об руку с физическим. В течение 13-го, 14-го и 16-го столетий аристотелики и платоники как бы протянули друг другу руку. А затем многие из тех, кто спустились на Землю для того, чтобы ввести в Европу аристотелизм, были уже в высшем мире — вместе с оставшимися там.

А дальнейшее развитие происходило так, что как те, кто были духовными вождями Шартрской школы, так и те, кто занимал ведущие посты в ордене доминиканцев, — стали во главе тех, кто в начале 19-го столетия подготовляли тогда будущее антропософское движение, принимая участие в том могучем сверхчувственном культе, о котором уже было сказано. И прежде всего должны были опять спуститься на Землю те, кто ранее действовали в большей или меньшей степени как аристотелики, ибо из-за влияния интеллектуализма не пришло еще время для того, чтобы снова углублять спиритуальность. Но продолжал оставаться нерушимым договор, который действует и в дальнейшем.

И вот, на основании этого договора из того, что является сейчас антропософским движением, должно возникнуть нечто такое, что должно найти свое завершение еще до окончания этого столетия. Ибо над Антропософским Обществом витает судьба — судьба, согласно которой многие из тех, кто состоит сейчас в Антропософском Обществе, должны будут еще до истечения XX столетия опять спуститься на Землю, но на сей раз — совместно с теми, кто были либо вождями Шартрской школы, либо учениками Шартра. Итак, для того, чтобы цивилизация не пришла к полному упадку, нужно, чтобы еще до истечения XX столетия на Земле смогли бы совместно действовать платоники из Шартра и позднейшие аристотелики. Вот что нужно будет с полным сознанием воспринять в будущем Антропософское Общество — понять кое-что о своей карме. Ибо в лоне духовного развития человечества покоится много такого, что еще не может выступить на поверхности бытия — в особенности ныне. Много выглядит сегодня весьма внешне, но если то, что является внешним, познать — по его симптомам — в его внутренней значимости, тогда обнаруживается многое из того, что духовно живет в веках. Я, пожалуй, позволю себе слегка указать на кое-что. Почему бы этого не сделать сейчас, когда через Антропософское Общество должен проходить эзотерический импульс? Я хотел бы обрисовать перед вами нечто такое, что могло бы показать вам, как пронизательный взгляд, обращенный на то, что нас окружает, дает возможность прозревать различные связи.

Когда я сам, готовя антропософское движение, прошел под знаком судьбы особенный жизненный путь, то тут обнаружилась некая весьма знаменательная связь с орденом цистерцианцев, которые ведь находятся в связи как раз с Аланом Островитянином. Я должен здесь заметить для тех, кто охотно сочиняет всякие легенды, что в отношении моей собственной индивидуальности я не имею ничего общего с Аланом Островитянином. Я хотел бы избежать того, чтобы сплетались легенды из эзотерических данных, которые я сообщаю. Дело идет о том, что эти вещи приводятся из эзотерического опыта. Совершенно замечательным образом моя судьба дала мне возможность через внешние события заглянуть в то, чему могут научить те спиритуальные связи, о которых я сегодня говорил. Может быть некоторым из вас знакомы главы из моей книги “Мой жизненный путь” в журнале “Гетеанум”. Там я рассказывал о том, что в молодости мне пришлось учиться не в гимназии, а в реальном училище, усвоить же гимназическое образование я смог лишь позднее. Я должен сам рассматривать это как примечательное сплетение своей Кармы. Ибо в городе, где я провел свою юность, гимназия находилась в двух шагах от реального училища, и на волоске висело то, что я попал не в гимназию, а в реальное училище. А если бы я тогда попал в гимназию, то я стал бы в дальнейшем священником Цистерцианского ордена. Это совершенно несомненно. Ибо это была гимназия, в которой учительствовали одни только цистерцианцы. И у меня была глубокая склонность ко всем этим патерам, которые к тому же, по большей части, были необычайно учеными людьми. Я читал многое из того, что написали патеры; это производило на меня глубокое впечатление; я любил патеров. И, в сущности, я потому только прошел мимо ордена цистерцианцев, что я не попал в гимназию. Карма повела меня иначе. Но орден цистерцианцев не оставлял меня. Об этом я тоже писал. Я по натуре всегда был довольно общителен, и я рассказывал вам в своем жизнеописании также о том, что позже я встречался в доме Марии делла Грации почти со всеми тамошними теологами. Почти все они были священниками цистерцианского ордена. Так образовалась, так сказать, перспектива для обратного возвращения. Это было для меня

очень привлекательно: возникла перспектива через течение ордена цистерцианцев войти в духовную жизнь, пройти ее в обратном направлении, вплоть до Шартрской школы. Ибо Алан Островитянин был цистерцианцем. И примечательно то, что когда я позднее писал мою первую драму-мистерию “Врата посвящения”, то, исходя из эстетических соображений, я не мог поступить иначе, как вывести на сцене женщин в одеянии, состоящем из длинной туники и того, что принято называть столой. Если вы представите себе такое одеяние, состоящее из желтовато-белой туники и черной столы и черного пояса, то вы и получите орденское одеяние цистерцианцев. Я исходил тогда лишь из эстетических соображений, но получалось одеяние, очень близкое к одеянию цистерцианцев. Здесь вы имеете указание на то, как обнаруживаются кармические связи для того, кто может проследить спиритуальное значение возникающих во внешнем мире симптомов.

На Рождественской конференции было положено начало для постепенного все большего и большего раскрытия этих внутренних связей. Они должны быть явлены, ибо человечество ждет познания внутреннего; оно вот уже много столетий познавало только внешнее, и сегодня цивилизация находится в ужасном состоянии. Наряду со многим другим, что должно прийти, должно быть указано и на то, как с одной стороны действовала Шартрская школа, как Посвященные этой школы, пройдя врата смерти, встретились в духовном мире с теми душами, которые впоследствии облачились в одеяние доминиканского ордена, чтобы распространять аристотелизм с его интеллектуальностью, — чтобы подготовить с должной силой эпоху души сознательной. И можно сказать: так имеем мы в Антропософском Обществе продолжающийся аристотелизм, только теперь спиритуализированный и ожидающий своей дальнейшей спиритуализации. А потом, в конце XX столетия, придут на Землю те, из числа которых многие ныне уже здесь, но тогда — совместно уже с учителями Шартрской школы. Цель антропософского движения — объединить оба эти течения. Одно из них — аристотелизм тех душ, которые в древнем язычестве по преимуществу находились в ожидании христианства и пережили пламенную жажду христианства так, что затем как доминиканцы могли возвещать христианство через интеллектуализм; они должны быть объединены с теми, кто пережил христианство еще в физическом образе и главные вожди которых объединились в Шартрской школе. Эти последние с тех пор так и не были воплощены на Земле, хотя при моем знакомстве с цистерцианцами я встречался с “инкорпорациями” многих из тех, кто состоял в Шартрской школе. Ибо в Цистерцианском ордене можно было встретить много лиц, которые хотя и не были перевоплощениями какого-либо ученика Шартрской школы, но которые имели такие моменты в своей жизни, когда они были преисполнены духовным образом на целые часы, на целые дни той или иной индивидуальностью из школы Шартра. Тут, значит, имели место не инкарнации, а “инкорпорации”. И тогда было написано много удивительного, о чем приходится спрашивать; кто же был их автором? Автором их был не тот или иной патер Цистерцианского ордена в его светло-желтом одеянии с черной столой и черным поясом, а автором была в данном случае та личность, которая в течении часов, или же дней, или недель заняла место в душе такого брата из Цистерцианского ордена. И во многих статьях или книгах, которые мало известны в литературе, мы имеем следы этого. Я сам имел как-то примечательный разговор, о котором я также рассказывал в своем жизнеописании, с одним из членов Цистерцианского ордена, необычайно ученым человеком. Мы уходили вместе из гостей и по дороге вели разговор о проблеме Христа. Я высказал мои идеи об этом, которые в существенном были теми самыми, что я всегда высказываю. Выслушав меня, он сказал мне с беспокойством: “Может быть, мы и придем к этому, но мы не должны позволять себе думать нечто подобное”. — Аналогичным образом высказывался он и о других проблемах христологии. Но вот мы на минуту остановились. Этот момент очень живо встает перед моей душой. Это было в Вене, в том месте, где граничат Шоттенринг и Бургринг, с одной стороны — Хофбург, а с другой — Отель де Франс и Обетная церковь. И вот этот человек тут сказал мне: “Я прошу Вас пройти со мной: мне хотелось бы дать Вам одну книгу из моей библиотеки. Там написано нечто весьма примечательное, находящееся в связи с тем, что Вы говорите”. Я пошел вместе с ним. И тогда он дал мне книгу о друзьях. Из всей связи между нашим разговором и этой книгой я понял что этот необычайно ученый человек, когда я, исходя из христологии, заговорил о перевоплощениях, впал как бы в потерю сознания, и когда он пришел в себя, то только мог вспомнить: у него есть книга о друзьях, в которой что-то говорится о перевоплощениях. Он знал об этом из одной единственной книги. А он был таким ученым! И о нем говорили (он был уже “гофратом” (надворный советник) Венского университета):

“Гофрат Н.Н. знает весь мир, да к тому же еще три деревни”. Таким он был ученым, но в своей телесности он знал только, что в одной книге о друзьях говорится и о перевоплощениях. Вот разница между тем, что люди имеют в своем подсознании, и тем, что струится через духовный мир через душу человека. — А позднее, когда я читал лекцию в Вене, случилось нечто весьма примечательное. Этот человек присутствовал там, и после лекции он сделал замечание, которое нельзя истолковать иначе, как то, что этот человек имел в данный момент полное постижение другого человека, его современника, и отношения этого человека к его собственной прежней инкарнации, и то, что он сказал о связи этих двух земных жизней, — это было верным, не было ложным. Но сам он этого не понимал; он только говорил это.

Я хочу этим дать только некоторое представление о том, как спиритуальные движения проникают в современность. Но то, что сегодня как бы проглядывает сквозь маленькое окошечко, в будущем, благодаря образованию связи между вождями Шартрской школы и вождями схоластики, должно стать единством, если в конце двадцатого столетия наступит спиритуальное обновление, которое приведет также к подъему и интеллектуального до спиритуального. А для того, чтобы это наступило, люди 20-го столетия не должны оказаться легкомысленными, нерадивыми. А так как все ныне зависит от свободной воли, то для того, чтобы это наступило, — а именно, чтобы могли спуститься на Землю обе, объединившиеся между собой, партии для нового одухотворения культуры 20-го столетия, — это будет зависеть и от того, поймет ли Антропософское Общество, как надо правильным образом самоотверженно культивировать антропософию.

Вот что я хотел сказать сегодня: о том, как антропософское движение связано с глубокой тайной той эпохи, которая началась с Явления Христа и Мистерии на Голгофе и развилась далее так, как я это теперь описал. Мы продолжим это в следующей лекции.